

ПЛЮСЫ ПЬЕСЫ И МИНУСЫ СПЕКТАКЛЯ

ОБСУЖДАЕМ
ПРОБЛЕМЫ
ДРАМАТУРГИИ

Борис БУРКАТОВ

РОВНО десять лет назад на Украине впервые прозвучали аплодисменты в адрес самобытного дарования Алексея Коломийца. Его «Фараоны» вошли в репертуар многих театров республики, перешагнули ее границы, снискав признание зрителей в Москве, во многих театрах Советского Союза и за рубежом.

Успех обязывает. Однако у драматургов вслед за удачным дебютом нередко последующие произведения оказываются менее удачными.

И у А. Коломийца не каждая новая вещь прочно сохраняется в репертуаре. Скажем, такие пьесы, как «Двенадцатый час» или «Бокал вина для адвоката», прошли в отдельных театрах, выдержав всего один сезон. Зато наряду с «Фараонами» до сих пор живут его «Планета Надежд», «Спасибо тебе, моя любовь!», «Горлица», созданные несколько лет назад и совсем недавно удостоенные премии Николая Островского.

Присуждение А. Коломийцу именно этой премии является вполне закономерным: почти все его пьесы, включая и совсем новую — «Первый грех», посвящены главным образом молодежи.

Пафосом молодости, романтической возвышенностью, моральной чистотой и свежестью определяется особый духовный колорит произведений А. Коломийца.

Даже беглая характеристика пьес драматурга помогает обнаружить то, что в них дорого: одолеваящая карьеризм и приспособленчество

одержимость в служении людям («Чабрец пахнет солнцем»), бескомпромиссный вызов силам, преграждающим путь к нашей великой конечной цели («Прошу слова сегодня»), одухотворенная высокими идеалами преемственность поколений («Планета Надежд», «Горлица»), родниковая прозрачность и животворное богатство чувств, формирующих сознание и деятельность молодых людей («Спасибо тебе, моя любовь!», раздумья над причинами неправильного воспитания и средствами их устранения, утверждение здорового начала в характере современной молодежи («Первый грех»).

Но, как известно, достоинства художественного произведения были бы неправильно усматривать только в его теме и проблемах. Пьесы А. Коломийца потому и пользуются успехом, что им присущи вдумчивый отбор и философское освещение жизненных явлений. Смелость в постановке вопросов, волнующих широкие круги общественности, продиктована страстным вторжением в действительность во имя того, чтобы жизнь стала поэтичнее, краше. А Коломиец нигде не предстает пассивным созерцателем, равнодушным регистратором событий. Во всем, что написано им, ощущается четкость и действенность авторской позиции.

Вслушаемся в мысли нескольких его героев:

ДОЦЕНКО (с горечью). Пожалуй, самое большое наше зло в том, что мы все откладываем на завтра. Встречаемся с неполадками в быту?

Чепуха, завтра будут жить лучше. Учинил человек подлость? Что ж, завтра, пожалуй, он перевоспитается. Трус, шкурник, карьерист обижает людей, а мы подчас закрываем глаза: зато, мол, завтра. У человека засквозь фальшивая душа, мы же его терпим — завтра его не будет. Все — завтра, завтра! А жизнь-то идет! Да какое же ты имеешь право отдалять на завтра то, что должно наступать уже сегодня? («Прошу слова сегодня»).

ВОЛОДЯ. Человек ценен, пока он к чему-то стремится, чего-то добивается, куда-то идет. (Там же).

НАТАЛКА. Для чего была революция, для чего жил Ленин? Чтобы все были обути, одеты, сыты... Да, это много, но этого и мало... Была революция, был Ленин — чтоб жили люди по законам большой правды, большой чести. Чтобы не было между людьми несправедливости, лукавства, равнодушия. Чтобы все делали друг другу добро. Чтоб мельчайшей соринки не было в душе. («Горлица»).

И еще хочется отметить одну черту в почерке А. Коломийца, позволяющую безошибочно определить принадлежность той или иной пьесы именно ему. Изображаемые им действия и события чаще всего разворачиваются в двух планах, одним из которых является действительность, вторым — сопоставленная или противопоставленная ей условность, выраженная в виде сна («Фараоны»), воображаемого идеального решения назревшего конфликта («Прошу слова сегодня»), переключки с мечтой («Спасибо те-

бе, моя любовь!»), смены картин минувшего и грядущего («Горлица»), ретроспекций в недавнее («Первый грех»). Чередование двух планов позволяет драматургу объемнее исследовать характеры, полнее воплощать замысел, ярче развертывать и насыщать действие.

Но... НЕСОМНЕННОЕ своеобразие, плюсы литературного первоисточника, как показывает опыт, нередко оборачиваются минусами в сценическом произведении. Далеко не каждому театру дается органическое сочетание обоих планов — переходы между ними порой осуществляются навязчиво. Снижение, либо потеря художественного такта пагубно сказываются в тех сценах, где, поддавшись соблазну ложной эффектности, актер, не сдерживаемый режиссером, прибегает к примелькавшимся штампам.

Тем самым утрачивается проникновенность. На сцене сохраняется лишь «каркас» сюжета. В произведениях, подобных пьесам А. Коломийца, это ведет к полному искажению замысла. Драматическая поэма, лишенная внутренней романтики, оборачивается чуть ли не детективом.

Случается это чаще в тех случаях, когда режиссер берется за постановку без глубокого убеждения, что именно эта пьеса созвучна его почерку, его творческим целям.

А бывает иначе. Постановщик и рад бы воплотить драматургическое произведение с необходимой тонкостью, филигранностью, но условий для этого нет.

Автор этих строк имел возможность сопоставить ряд спектаклей по пьесам А. Коломийца в Киевском академическом театре имени И. Франко, осуществленных В. Лизогубом, и в Херсонском областном театре — в постановке Н. Равицкого.

Надо сказать, что в обоих театрах к творчеству А. Коломийца относятся с любовью и уважением. И все же не всегда эта добродетельность завершается положительно. Разумеется, областной театр располагает более скромными возможностями, нежели столичный, к тому же академический. Тем не менее спектакли херсонцев иногда отличались большей цельностью и яр-

костью. А в Киеве А. Коломийцу даже пришлось отложить премьеру «Спасибо тебе, моя любовь!». Пьеса готовилась параллельно с «Уриэлем Акостой», на которого тогдашняя дирекция делала «ставку» и потому заняла в нем весь ведущий актерский состав, истратила большие средства на костюмы и декорации, изыскала много времени для репетиций. Группа, работавшая над пьесой А. Коломийца, была поставлена в иные условия и по актерским силам, и по материальным возможностям, и по времени.

Потребовались дополнительные меры, чтобы спектакль «Спасибо тебе, моя любовь!» увидел свет, рамы.

Отнюдь не положительный опыт киевлян, к сожалению, повторился при недавней постановке «Первого греха» во Львовском театре имени М. Заньковецкой. Готовили пьесу параллельно с «Чайкой», которой в свою очередь уделили гораздо больше внимания. Короче говоря, работали над современной пьесой впопыхах, чтобы любой ценой показать ее к закрытию сезона, не проявив должной требовательности к подбору исполнителей, к оформлению, да и саму пьесу режиссер М. Гиляровский прочел недостаточно углубленно. Не удивительно, что спектакль получился неровный, неточный по акцентам. На генеральной репетиции автору пришлось категорически возразить против выпуска спектакля. Но театр не посчитался с возражением, показал, если можно так выразиться, полуфабрикат. И вызвал единодушный протест общественности. Жизнь премьеры ограничилась несколькими вечерами.

Почему же судьба пьес несомненно самобытного современного драматурга так капризна? Мне думается, в некоторых театрах происходит недопустимая нивелировка творческого почерка авторов. В этих театрах трактуют самые разные произведения на один привычный манер, недооценивают идейную глубину, художественную ценность пьес, считая их «безропотным» материалом для своих досужих экспериментов.

Однако вернемся к А. Коломийцу. Чтобы донести романтическую неподнятость, поэтичность и философ-

скую насыщенность его пьес, избегая при этом конфликта с их самобытностью, требуется не декламация зазубренного, а всестороннее проникновение в авторский текст, подлинное режиссерское и актерское новаторство, отнюдь не равнозначное произволу.

Требуется то, о чем постоянно заболтался К. С. Станиславский: «Чем сложнее внутренняя жизнь человеческого духа, изображаемого образа, тем тоньше, непосредственное, художественное должно быть воплощение». И еще: «Я думаю, что простой зритель поймет все то, что правдиво и художественно, но только при одном условии, чрезвычайно важном: основная мысль пьесы должна быть проведена ясно, просто, правдиво, ярко по краскам».

Забвение этих требований жестоко мстит за себя. Так, например, в адрес Киевского театра имени Леси Украинки, одного из лучших в республике, нередко звучат упреки, связанные с постановками режиссера Э. Митниченко.

Уверовав в свою непогрешимость, в право «переосмысливать» современных авторов, независимо от их литературного опыта и мастерства, он демонстративно низвергает пьесу как первоисточник, основу спектакля. Так, навязывая драматургу Ю. Бураковскому поправку за поправкой, режиссер смещает идейные акценты, выхолащивает содержание его драмы «Ночь перед чудом» — по сути, делает все, чтобы свести философскую, поэтическую пьесу к банальной мелодраме о судьбе одинокой женщины. Перед угрозой провала очередной постановки Э. Митниченко внезапно отказался от подготовленного им спектакля — буквально накануне премьеры, на которую до конца сезона (две недели) был полный аншлаг. Об этом ЧП, нанесшем урон и театру, и репутации пьесы, заговорила общественность, писала в передовой статье «Правда Украины», о нем шла речь на республиканском писательском пленуме. Но все это ни к чему не привело.

Столь же своеобразными перестановками, неуместными вставками Э. Митницкий изувечил «Варшавскую мелодию» Л. Зорина, сохранившуюся в репертуаре исключительно благодаря талантливой игре

и сценическому обаянию А. Роговцевой, исполнительницы роли Гелены.

Э. Митницкий считал возможным отклонить решительный протест Л. Зорина в связи с бесперомным обращением с его пьесой. Узнав об этом протесте, Э. Митницкий в присутствии автора этих строк безапелляционно заявил директору театра и главному режиссеру:

— Я не ремесленник и с пьесами, которые мне поручено ставить, буду поступать, как нахожу нужным, а поддаваться авторскому произволу (!) не собираюсь.

Что и говорить, «оригинальное» понимание искусства и ремесла, творческой воли и произвола.

Подобные факты, свидетельствующие о незащитной участи пьес даже признанных авторов, конечно, не стимулируют притока свежих сил в драматургию, не прибавляют заинтересованности в работе над современной темой.

Известны весьма определенные указания Министерства культуры СССР и Министерств культуры союзных республик о всемерном, в частности, материальном поощрении режиссуры за успешное осуществление первых постановок пьес о нашей действительности, есть приказы о том, что постановки таких пьес нужно поручать наиболее опытным режиссерам, существуют рекомендации занимать в них лучшие силы, обеспечивать эти постановки всем необходимым.

Однако благие намерения еще весьма далеки от повсеместного претворения в жизнь с такой же четкостью, с какой они зафиксированы.

Зритель ждет высокоталантливых пьес о наших днях, а их способны создать лишь яркие драматургические дарования. О таких дарованиях и следует постоянно проявлять подлинную заботу, памятуя, что их судьба, как убеждают факты, во многом и едва ли не главным образом зависит от театра. Следовательно, чем полнее, плодотворнее станет содружество театра с драматургами, тем более верным будет дальнейший подъем нашей театральной культуры.

КИЕВ.